

Николай Попков

ПРИАМГУНЬЕ
день за днем

Москва
2020

УДК 908(571.62)+9(571.62)

ББК 63.3(255.3)

П576

Попков Николай Иванович

П576 Приамгунье день за днем. — М.: «Издание книг ком», 2020. — 360 с., ил.

ISBN 978-5-907250-39-0

«Приамгунье день за днем» — третья книга о земле Приамгуньской, с ее интересной и многослойной историей.

УДК908(571.62)+9(571.62)

ББК 63.3(255.3)

ISBN 978-5-907250-39-0

© Попков Н.И., 2020

© «Издание книг ком»,

о-макет, 2020

«Гордиться славой своих предков
не только можно, но и должно,
не уважать оной есть постыдное
малодушие».

А. С. Пушкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня вы держите в своих руках книгу «Приамгунье — день за днем», в которой воедино собраны материалы и документы о непростой истории земли приамгуньской.

Это третья книга о Приамгунье («Приамгунье мое», «В отрогах Дуссе-Алиня»), продолжающая рассказ о далекой и красивой территории Хабаровского края.

Земли приамгуньские раскинулись на несколько тысяч квадратных километров, на которых испокон веков жили коренные народы — негидальцы, эвенки.

Велик вклад русских ученых, путешественников, землепроходцев, мореплавателей в мировую географическую науку.

Многие исследования экспедиций, внесших огромный вклад в изучение земель приамгуньских, были под грифом «секретно» в силу политической обстановки тех времен — Секретная Забайкальская экспедиция Н.Х. Агте (1849–1852) и др.

Честь открытия главной водной артерии, реки Амур, принадлежит Василию Пояркову (1643) и Ерофею Павловичу Хабарову — основателю русского поселения на Амуре (1648–1651).

Ход исследованию земель приамгуньских был положен. Пешком, на лодках, собаках, оленях продвигались исследователи по земле Приамгунья: экспедиция А.Ф. Миддендорфа, Н.Х. Агте, Ф.Б. Шмидт, Л.Э. Шварц, Н.П. Аносов, А.И. Нерпин, В.В. Бух, Г.И. Невельской, Н.К. Бошняк, Н.М. Чихачев, Д.И. Орлов и многие, многие другие.

Весомый вклад в освоение земель внесли крупные золотопромышленники: А.В. Каншин, Х.П. Тетюков, С.С. Шадрин, М.Д. Бутин, Н.П. Аносов, И.В. Ельцов, В.А. Левашов и др.

ПРИАМГУНЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Самые ранние следы деятельности человека на территории Приамгунья относятся к эпохе раннего палеолита.

Ученые считают, что впервые человек появился на территории Приамгунья не менее 200 тысяч лет назад.

К более позднему времени относится стоянка, расположенная в низовьях Амура в долине левого его притока — Амгуни, между поселками им. Полины Осипенко и Зазаево. Здесь обитали люди около 25–15 тысяч лет назад. Они умели изготавливать орудия труда из крупной речной гальки, у которой для работы обивались лишь края, а вся поверхность оставалась нетронутой. В это время люди уже умели добывать огонь. Древние обитатели края занимались охотой и рыбной ловлей, собирали съедобные растения, орехи, грибы, ягоды.

Имея низкий уровень хозяйства и примитивные орудия труда, древний человек не смог бы выжить в одиночку. Постоянная забота о добывании пищи, необходимость защиты от хищных зверей и сооружение укрытий от холода заставляли древних людей жить коллективами.

В эпоху палеолита население Приамурья и Приамгунья оставалось очень немногочисленным. Отдельные стоянки располагались по берегам рек и озер. Их обитатели находились на стадии материнского рода (матриархата), который существовал в Приамурье длительное время.

В эпоху мезолита человек сделал несколько открытий: изобрел лук и стрелы, приручил собаку. Традиции обработки камня сохранились у людей, живших на территории 12–10 тысяч лет назад. Орудия изготавливались из плоских галек,

обработанных с одной стороны широкими массивными сколами. Эти изделия носят название тесловидно-скребло-видных инструментов. Пользуясь обитыми каменными топорами, древние люди гораздо шире использовали богатство лесов и вод, строили убежища от дождя и холода, изготавливали различные охотничьи и рыболовецкие приспособления. Выдолбленные при помощи таких орудий лодки использовались для рыболовства.

Для охоты употреблялись листовидной формы клинки, которые были универсальными орудиями: могли служить боевыми кинжалами и охотничьими ножами, использовались в качестве наконечников копий и дротиков, что позволило более эффективно вести охотничий промысел. Охота на диких животных играла ведущую роль в хозяйстве, сочеталась с рыболовством и собирательством дикоросов.

Эпоха неолита — время больших перемен в жизни первобытных людей. Они научились шлифовать и полировать каменные орудия, делать из камня топоры, долота, то есть орудия для обработки дерева.

В эпоху неолита совершенствовалась глиняная посуда, глиняные сосуды украшались орнаментом. В сосудах готовили и хранили пищу.

Подлинным переворотом в истории человечества было освоение металла. Переход к нему был долгим, сложным.

Первым металлом, использованным человеком, была медь. Но медь была очень мягкой и поэтому еще не вытеснила камень. Каменные орудия труда преобладали. Первым металлом, составившим конкуренцию камню, стала бронза — сплав меди с оловом и другими добавками.

Глиняные сосуды этого периода были грубые, с сильно отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю вдавлениями, а ниже — ногтевыми отпечатками. Орнамент на стенках сосудов — в виде округлых или овальных вдавлений, нечетких отпечатков гребенки.

В первой половине 1 тысячелетия н.э. на территории Хабаровского края появляются племена мохэ. Это тунгусоязычные племена, древнейшие предки современных нанайцев, ульчей, орочей. Появившись на Амуре, они вытеснили в низовья реки коренное палеоазиатское население, а часть его ассимилировали. Мохэсцы оставили многочисленные следы своего пребывания на территории края.

В этот период железо полностью вытесняет камень. Из металла изготавливают орудия труда, оружие, украшения. Мохэсцы занимались земледелием и скотоводством, которые играли главную роль в хозяйстве.

К VII в. у мохэсцев усиливается имущественное неравенство, начинается разложение родоплеменных отношений, что привело к образованию классового общества, а затем государства.

В 698 году мохэские племена объединились, и образовалось независимое государство Бохай. Это было первое раннефеодальное государство древних тунгусо-маньчжурских племен мохэ. Занятием населения было земледелие, скотоводство, охота. Появляются ремесленники. Высокого уровня достигли обработка металлов, оружейное, ткацкое, гончарное ремесла.

Наиболее распространенной формой религии среди низших слоев общества являлся шаманизм, а феодальная знать начинала использовать буддизм.

Могущество раннефеодального государства поддерживалось при помощи армии, но многочисленные народные выступления и военные действия в начале X в. значительно подорвали основы государства. Уже не хватало сил на отражение внешней агрессии. Монгольские племена киданей создают свое государство Ляо и начинают войну с бохайцами. После ряда поражений в 926 году государство Бохай было разгромлено.

В летописях VII в. начинают упоминаться чжурчжени — племена, которые тоже являлись предками современных тунгусоязычных народностей. Чжурчжени были не только

родственны мохэ, но и являлись их потомками и продолжателями культуры. Чжурчжени, или иначе их называли ньючжэни, входили в состав Бохайского государства, а после разгрома его киданями началось объединение чжурчженей, что и привело к возникновению нового государства.

Начиная с X–XI вв. известия о мохэ исчезают, и племена называют чжурчженскими.

Чжурчжени строили свои поселки на берегах протоков реки. Жилища строили полуподземные, а летом жили в легких шалашах. В более позднее время они стали делать из дерева надземные дома, обращенные дверью на восток. Обогревались дома канами, которые устраивались вдоль стен, и на них хозяева отдыхали. Одевались чжурчжени в одежду из ткани и шкур.

Хозяйство чжурчженей было комплексным, но главную роль играли земледелие и скотоводство.

Просуществовав более ста лет (1115–1234) Золотая империя пала в 1234 году после тридцатилетней войны с монголами. Города и поселения чжурчженей были уничтожены, погибла часть населения, а многие были угнаны в неволю.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ПРИАМГУНЬЯ

До освоения бассейна реки Амгунь русскими и другими народами России на территории, которую занимает наш район, составляющей обширный край в 34 970 тысяч квадратных километров, веками жило местное население, предки нынешних нивхов, негидальцев, эвенков, нанайцев.

В 1966 году школьники Михаил и Владимир Бочкарниковы на берегу Амгуни нашли наконечник стрелы, сделанный из кремнистого сланца. находка была передана академику А.П. Окладникову. По определению специалистов-археологов наконечник относится к среднему каменному веку-мезолиту (8–4 тысячи лет до н.э.), это доказывает, что не менее 6 тысяч лет назад на берегу Амгуни были племена, занимающиеся охотой. Приамгунье имеет многовековую историю.

В далеком прошлом в Приамгунье жили предки нивхов (гиляков). Но тунгусские племена, самые закаленные из кочевников тайги, постепенно оттесняли их в низовья Амгуни, Амура.

На приамгуньских землях прочно обосновались предки негидальцев и эвенков, а в верховьях Амгуни и южнее — нанайцев.

Негидальцы

Негидальцы (негедальцы, нейдальцы, нигидальцы, нишдальцы, негда, ылканъ) — тунгусо-маньчжурский народ Приамгунья.

В древнейших русских известиях называются лишь просто амгуньскими (омутскими) тунгусами.

На языке эвенков негидальцы означают — береговой (негда), крайний (нгегида). Самоназвание негидальцев — здешний, местный (илкан бэйенин), амгуньский человек (амгуно- бэйенин).

Исследователи предполагают, что негидальцы — это эвенки, которые расселились по Амгуни и смешались с народами Нижнего Амура.

Наиболее ранние известия о населении реки Амгунь относятся к VII в. В 1682 году в устьях двух притоков Амгуни казаками были построены зимовья. Казаки сообщали о тунгусских пеших и оленьих родах.

Подробное описание о жителях Амгуни и ее левого притока можно найти в описаниях А.Ф. Миддендорфа.

Менее чем через 10 лет после Миддендорфа реку Амгунь посетили сподвижники Г.И. Невельского — Д.И. Орлов и Н.М. Чихачев, которые видели там стойбища негидальцев, говорящих «на том же языке, что и тунгусы».

В 1855–1856 годах проводил исследования на Амгуни Л. Шренк, как и его предшественники, он нашел там лишь негидальцев.

Исследователи XIX в. не фиксируют тунгусов на Амгуни. Нет и упоминания о численности жителей Амгуни. Впервые мы узнаем об этом от С. Патканова, опубликовавшего данные переписи 1897 года. В разделе «Селения и стойбища инородцев реки Амгунь» приводится численность негидальцев и тунгусов по стойбищам.

Тунгусов он показывает выше Керби, начиная со стойбища Хоян и до Вели, но о тунгусах с реки Сонахи (левого притока реки Амгунь) не говорит. Интересно, что С. Патканов, суммируя «души», получает цифры: негидальцев 195 мужчин и 159 женщин; тунгусов — 61 мужчин и 44 женщин. Но простой похозяйственный подсчет дает несколько иную картину: негидальцев — 223 мужчин и 173 женщины, а тунгусов — 36 мужчин и 30 женщин. Это говорит о том, что среди негидальцев жили и тунгусы.

Освоение предками негидальцев бассейна реки Амгунь проходило в процессе перехода от кочевья к оседлости, что и не давало исследователям определить первоначальные места расселения, численность и родовые стойбища.

С момента появления предков негидальцев на реке Амгунь они постепенно заселяли долину реки и ее притоки, выходили к берегам крупных и мелких озер. Амгунь связывала отдельные селения и родовые стойбища негидальцев и эвенков, располагавшихся подчас на сотни километров друг от друга.

Каждый род имел свои охотничьи и рыбные угодья близ родового стойбища. Часто отдельные семьи селились поблизости от них и насчитывали от трех до пяти человек (Леконда, Михида, Кеурты). В более крупных селениях, насчитывавших до семидесяти человек, объединялись представители различных родов (Каменка, Дальжа, Гуга).

Относительная изоляция коренного населения Амгуни прерывается в конце XIX в. с началом освоения золотоносных площадей Приамгунья. Так называемое «пришное» население состояло в основном из русских, но были и китайцы, корейцы.

Исследователями установлено, что все негидальское население на Амгуни в XVII в. делилось на девять родов (по другим данным — двенадцать): муктегирский, аюмканский, альчакульский, торомконский, чукчагирский, ньясекагирский, удданский, чемакогирский, тапкальский.

Говорят на негидальском языке, имеющим два диалекта: низовской и верховской (по нижней и верхней Амгуни).

Основной формой религиозного сознания негидальцев был шаманизм с остаточными включениями первобытных верований, из которых наиболее устойчивым является анимизм — вера в духов.

Центральное место в отношении влияния на судьбу своего рода и каждого его членов отводилось духам трех стихий:

неба (бога), тайги (ус) и воды (му), среди которых главенствовал дух Небесной старухи (майин эвэкэ). Ей подчинялись духи — хозяева животного мира (дайями) и водного царства (маси), которые имели власть над духами гор, леса, реки, болота. Последние, в свою очередь, являлись хозяевами обитавших там других духов — животных, рыб, птиц.

Почитаемые негидальцами духи олицетворяли в основном животный мир, представители которого — медведь, олень, гагара, сом — одновременно были объектами и промысла, и культа.

Все негидальские божества по обычаю делались из дерева. Скульптурные изображения духов-хозяинов тайги (буйун буга) и воды (сангиту) вырезались из толстых стволов лиственницы и делались однажды раз и навсегда. Небесную старуху негидальцы не изображали, лишь на гладкой поверхности лиственницы на родовом мольбище можно было увидеть несколько лиц, вероятно символизирующих ее многочисленность или всевидение. Все остальные изображения духов (сангиви) были меньших размеров и менее рельефны: они олицетворяли потомство (хути) главных божеств. Представители женского пола изображались круглоголовыми, они имели брови, рот, щеки. Представительницы мужского пола имели остроконечную голову, где обозначался только рот и выделялась шея.

Каждый негидальский род приносил хозяевам неба, тайги и воды жертвы один-два раза в год, обычно весной и осенью. Жертвенники (алачинки) были постоянными, несмотря на кочевой образ жизни негидальцев. Для устройства алачинки выбирали в тайге крупную лиственницу (тайо), гладко ее обтесывали и на уровне человеческого роста вырезали несколько лиц (дуугду). Тайо являлся центром алачинки. Рядом устанавливали два массивных чурбана — два примитивных скульптурных изображений главных божеств. Большую лиственницу как бы подпирали несколько других, но меньших

размеров, это были слуги высших духов. Рядом с тойо сооружались невысокие козлы (дулкухан) с настилом из березовых прутьев для угощения духов. К столу приставляли сэвеки — обструганные палки, обладавшие магической силой и олицетворявшие собой личного или семейного духа-покровителя. На столике раскладывали все то, что составляло провизию охотника. Принесенные охотничьи принадлежности (кроме ружей) складывали у подножья тойо.

Религиозные воззрения негидальцев не исчерпывались ритуалом жертвоприношений и заклинаний. Существенным элементом в их представлениях были различные приметы, поверья, запреты (озяви), часть которых была связана с природными явлениями и направлена на их преодоление.

Негидалец верил, что если в сильную жару он посвистит (призовет на помощь), то поднявшийся ветер принесет прохладу.

Негидальцы были исконными рыбаками и охотниками. У низовской группы в хозяйстве преобладало рыболовство. У верховских негидальцев рыболовство и охота дополнялись оленеводством.

Каждый негидалец-мужчина был рыбаком, охотником, хорошо владел различными инструментами, самостоятельно изготавливал различные ловушки, сети, жилые и хозяйственные постройки, нарты и лыжи, деревянную утварь.

Кочевой и полукочевой жизненный уклад предполагал его зависимость от внешних условий и хозяйственной деятельности.

Охотник-таежник, совершая краткий или длительный переход, вольно или невольно приобретал навыки переноски или перевозки вещей, добычи и снаряжения.

Простейшим средством для переноски являлось заплечное приспособление в виде суковатой палки с развилкой и перекладной внизу, к которым привязывалась поклажа, например, охотничья добыча. Существовал и другой способ переноски тяжести (тэву), для чего изготавливалась деревян-

ная рама с отверстиями в боковых планках, куда продевали веревку или вставляли толстые прутья. Поклажу (добычу) привязывали, и обычно такие носилки несли вдвоем, используя заплечные ремни.

Использовали негидальцы также нарты для перевозки дров, воды, добытой дичи и домашней утвари.

Женщина умела выделывать шкуры и кожи, шить из них одежду и обувь, украшать их затейливым тонким орнаментом, изготавливать утварь из бересты.

Вышивая по ткани, меху, коже или ровдуге, негидальские женщины применяли разнообразные виды крашенных ниток, а также олений волос. В зависимости от основных видов ниток (крапивные, жильные, шелковые) менялась техника вышивки. Мастерницы пользовались прямым стежком, «косичкой», «елочкой», рельефным и петельным швом.

Основу местной вышивки негидальцев составляют мотивы и символы растительного и животного происхождения. Хозяйка дома обеспечивала семью заготовленными впрок сушеными рыбой и мясом, съедобными и лекарственными растениями.

Одежду и обувь негидальцы изготавливали из местных, а также привозных материалов. Из рыбьей, оленьей кожи, ровдуги, нерпичьих, оленьих, собачьих шкур, лосиных кож и камусов в прошлом шили шубы, куртки, ноговицы, обувь.

Зимние жилые постройки низовских негидальцев не отличались от зимников их соседей — нивхов.

Наиболее древним постоянным жилищем у негидальцев была полуземлянка, вытянутой прямоугольной формы, углубленной в землю до 50 сантиметров. Стены, выходящие наружу, сложены из наклонно поставленных тонких плах и увенчаны четырехскатной крышей. Два продольных и два поперечных бревна опирались на поставленные на углах четыре столба. На этих же бревнах покоился каркас крыши, состоящий из накатника и наваленной глины.

Дверь располагалась на узкой стороне. Освещалась полуземлянка тремя окнами, одно из которых находилось рядом с дверью, остальные на продольных сторонах. Внутри помещения очаг, но без трубы. Дым выходил в отверстие, проделанное в крыше. Малые стены полуземлянки забирались тальниковой решеткой и обмазывались глиной с примесью травы.

Такие жилища использовались негидальцами до конца XIX в. Зимники у негидальцев строились каркасные, однокамерные, четырехугольные, прочные. Из толстых бревен постройки со стенами, возведенными с помощью пазовой техники, с двускатными крышами.

Вход делали в продольной стороне дома, где отсутствовали теплые лежанки. Каны располагались по четырем сторонам жилища, и лишь около дверей часть стены была свободной. Они представляли собой очаг, обложенный каменными плитами и обмазанный глиной, сверху находились лежанки.

Кроме постоянного зимовья негидальцы строили и временные промысловые сооружения полуцилиндрической формы, из 6–10 длинных тальниковых прутьев, установленных дугообразно на прямоугольной площадке на небольшом расстоянии друг от друга. Дуги скреплялись продольными шестью. Так получался каркас, на который накладывалось покрытие из берестяных полос (тисок).

Бересту для шитья покрышек снимали большими полосами с деревьев в конце июня, тщательно скоблили ножом с наружной стороны, осторожно снимали верхний слой. После этого бересту сворачивали в трубки и кипятили в воде с пеплом или в слабом рыбном бульоне. После 4–5 часов варки береста (талу) становилась мягкой и эластичной как кожа.

Высота такого шалаша незначительная, до 140 сантиметров, но он вмещал от двух до пяти человек. Пользовались этим шалашом рыбаки во время массового хода красной рыбы или охотники, вышедшие на добычу копытных животных. Очаг устраивался за пределами шалаша. Свои жилища охотники устраивали в верховьях небольших речек, где водился пушной зверь. Здесь стояли недолго, по нескольку дней, пока охотники обходили весь район.

Были и другие временные зимние постройки (утан-утэн), зимний конусообразный охотничий шалаш, который строился из толстых, плотно поставленных друг к другу круглых брусьев. При постройке сооружения сперва ставили пирамидально две пары основных опорных стоек, связанных попарно вверху врезанными в них горизонтальными шпонками, с парой таких же перекладин. Так вверху образовывалась четырехугольная рама, а весь остов постройки в форме усеченной пирамиды.

Утэн был обычно не более 3–4,5 метров в диаметре при такой же высоте. На высоте полутора метров к стойкам крепили перекладину, на которой деревянными крюками подвешивали котлы.

Временным жилищем охотников-негидальцев служил одностатный шалаш (калта), изготовленный из кольев и веток, пользовались им в основном в верховьях Амгуни.

Теневые навесы (калтан) устраивали только на летних стойбищах (уриkit), в небольших, хорошо продуваемых колках. На сучьях деревьев при помощи жердей и лапника делали настил высотой до трех метров, стены с двух сторон закрывали порослью лиственницы. Величина навеса зависела от количества оленей в стаде.

У низовской группы негидальцев, хозяйственный уклад которых отличался от верховских, теневые навесы не использовали, так как оленей не держали. На местах рыболовного и охотничьего промыслов они сооружали временные

укрытия от дождя и ветра (нело). В землю вертикально вбивали две жердины с развилками на концах. На них клали перемычку, к которой приставляют в наклонном положении нескольких жердей. Полученный свод покрывали берестой или корой.

Кроме промысловых построек негидальцы сооружали вспомогательные хозяйственные постройки на местах промысла или у реки, где производилась заготовка впрок рыбы. Важными сооружениями были амбары на сваях. Свайные постройки были нужны для сохранения продовольствия от зверей, грызунов, при неблагоприятных климатических условиях.

Строили амбары двух типов — малые и большие. Малые имели четыре сваи, большие — шесть. На передней паре столбов сооружали терраску. На ее основании и задней паре столбов устраивали 5–6 венцов тонких бревен, срубленных в лапу. В передней части имелась дверь, прорезанная во всю длину сруба. Дверь делалась из досок, сбитых двумя планками, и подвешивалась на решетках. Двухскатная крыша амбара покрывалась сеном или корой.

В амбаре хранили одежду, различную утварь, охотничьи принадлежности, выделанные шкуры.

Другим типом свайного амбара был н'унэйэ такту. На помосте сооружали полуцилиндрический каркас, который был и крышей, и стенами. Для этого клали последовательно пару продольных и поперечных жердей. Продольные жерди клали ближе друг к другу, образуя свод. Полученный остов покрывался пластами коры. Вход в амбар делался в виде щелевого люка в помосте снизу. Входили в амбар по специальному бревну с зарубками.

Рядом с постоянным жильем негидальцы устраивали двухскатную коптильню (хенакта). Для ее сооружения расчищали площадку, в центре которой выкапывали круглую яму диаметром 70–80 сантиметров и глубиной 15–20 сантиметров.

Над ямой в виде двухскатной крыши устраивают из жердей каркас высотой до полутора метров. Его покрывают со всех сторон корой, за исключением входного отверстия, закрываемого брезентом или дощатой дверью. Внутри коптильни, в яме, разжигается костер, дающий достаточного количества тепла и много дыма. Под крышей коптильни, над костровой ямой, устраивают несколько горизонтальных жердей, на которые и развешивали для копчения продукты.

Общественный строй негидальцев характеризовался сосуществованием родов и территориально-соседних общин. Роды были малочисленными. Род регулировал брачные отношения, объединял своих членов для совершения религиозных и семейных обрядов. Четко соблюдались обычаи взаимопомощи.

Негидальские деревни часто распадались и столь же часто возникали вновь. Менялись их названия и места расположения. Сказывался еще подвижной образ жизни негидальцев-охотников. Некоторые селения (Гуга, Сеха, Дальжа) существовали десятилетиями, постепенно превращаясь в традиционные центры негидальского общества.

Главными занятиями местного населения были охота и рыболовство. В поисках наиболее богатых угодий скопления зверей, птиц, рыб, хороших оленьих пастбищ коренные жители кочевали с места на место.

Еще в середине XIX в. негидальцы при охоте на изюбра, сохатого или медведя пользовались прямыми, а чаще изогнутыми луками (бури) и небольшими стрелами с металлическими наконечниками (богда). Прицельную охоту на болотную птицу или мелкого зверька негидальские охотники вели при помощи самострела (самну) и облегченных стрел (ной). Амгуньцы также применяли приемы таежной охоты с настороженными самострелами, которые устанавливались на звериных тропах.

В экипировку охотника входили кожаный ровдужный колчан (кончо) тунгусского образца и большой широкий нож (кото) на длинной рукоятке, заменявший в лесу топор.

Средством передвижения служили олени и собачьи упряжки, а по воде легкие берестяные лодки — оморочки. В условиях заболоченной местности, мелких озер и узких протоков, спокойного течения реки Амгуни и ее многочисленных притоков так называемый тунгуский челнок отвечал всем требованиям поречного рыболовства.

Изготавливался челнок из коры березы. У челнока имелся только один продольный и три поперечных шва, стянутых оленьими жилами, концы челнока связывались в остроко-нечный посредством тонких березовых ветвей, а швы зама-зывались смолой.

Практиковалась верховая езда на оленях.

Верховой вьючный и нартовый транспорт негидальцев почти ничем не отличался от оленьего транспорта бурейских или зейских эвенков. Лишь для перевозки мягких вещей на олене употреблялись более крупные сумы с украшениями. Некоторые были сшиты из рыбьих кож или шкур нерпы.

Эвенки

Эвенки сложились на основе смешения аборигенов Восточной Сибири с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья. К прототунгусской общности относят глазковскую культуру. Есть основания в качестве непосредственных предков эвенков рассматривать забайкальский народ увань, который, согласно китайским хроникам (V–VII вв. н.э.), обитал в горной тайге к северо-востоку от Баргузина и Селенги. Увани не были аборигенами Забайкалья, а представляли собой группу кочевников-скотоводов, пришедшую сюда из более южной местности. В процессе расселения по просторам Сибири тунгусы сталкивались с местными племенами и, в конечном счете, ассимилировали их. Особенности этнического формирования тунгусов привели к тому, что для них характерны три ан-

тропологических типа, а также три различных хозяйственно-культурных группы: оленеводы, скотоводы и рыболовы.

На рубеже I–II тыс. н.э. эвенки были рассечены продвижением на север якутов. Восточные эвенки образовали этнос эвенов.

Название «тунгус» (идуший поперек хребтов) известно русским с XVI в., а самоназвание «орочел» и «эвен» с XVII в.

Традиционное занятие эвенков — охота. Охота производилась преимущественно в одиночку. Группой в два-три человека охотились на крупного зверя, когда надо было гнать его на стрелка, а также на переходах через речки мелких парнокопытных, когда те переходили на новые места. Основная охота была на мясного зверя, пушного били попутно. На охоте тунгусы пользовались луками, рогатиной и устанавливали самострелы и петли. За зверем гонялись или били его на водопойных тропах из засады на деревьях и в лодках. Для выслеживания зверя маскировались, накидывая на себя шкуру с головы оленя, а иногда целую.

Важную роль для эвенков играло оленеводство. Оленеводство в основном имело транспортное направление; различались так называемый эвенкийский тип, с использованием вьючных оленей, и ороченский тип, с использованием верховых оленей.

Бродячие охотники добывали рыбу с помощью лука и остроги. Зимой старики кололи рыбу через лунки, а летом рыбаки занимались лучением с лодки. На небольших речках устраивали запоры и устанавливали в них корыта и «морды». В рыбалке участвовало много мужчин. К мужским занятиям относились изготовление изделий из дерева, кости и металла, а также изготовление лодки-берестянки (бересту шили женщины), лодки-долбенки и нарт. Женщины выделывали шкуры, шили из них одежду, обувь, покрышки для чума, предметы домашнего обихода. Они обрабатывали бересту и шили из нее посуду, а также «тиски» — берестяные полотнища для чумов и для лодок-берестянок.

Мужчины умели украшать узорами деревянные, костяные и металлические вещи, женщины — ровдугу, бересту и меха. На женщинах лежали обязанности ухода за детьми и приготовления пищи.

Основное занятие «пеших» или «сидячих» эвенков — охота на оленя, лося, косулю, кабаргу, медведя и др. Позднее распространилась товарная пушная охота. Охотились с осени по весну, по два-три человека. По тайге ходили на лыжах-голицах (кингнэ, киглэ) или подбитых камусом (суксилла). Оленеводы охотились верхом на оленях.

Оленеводство имело в основном транспортное значение. Оленей использовали при езде верхом и под выюк, доили. Преобладали небольшие стада, вольный выпас. После окончания зимнего охотничьего сезона несколько семей обычно соединялись и перекочевывали в удобные для отёла места. Совместный выпас оленей продолжался все лето. Зимой во время охотничьего сезона олени обычно паслись у стойбищ, где оставались семьи охотников. Перекочевки проходили каждый раз по новым местам — летом по водоразделам, зимой по рекам; постоянные тропы вели только к торговым пунктам. У некоторых групп были известны нарты различных типов, заимствованные у ненцев и якутов.

Рыболовство имело подсобное, а также товарное значение.

По воде передвигались на плотах (тэму), лодках с двухлопастным веслом — долбленых, иногда с дощатыми бортами (онгочо, утунгу) или берестяных (дяв). Для переправ пользовались лодкой из лосиной кожи на каркасе, сделанном на месте (мурекэ).

Была развита домашняя обработка шкур, бересты (среди женщин); до прихода русских было известно кузнечество, в том числе на заказ.

Основа традиционной пищи — мясо (диких животных) и рыба. Летом потребляли оленьё молоко, ягоды, дикий чеснок и лук. У русских заимствовали печеный хлеб. Основной напиток — чай, иногда с оленьим молоком или солью.

Зимние стойбища состояли из 1–2 чумов, летние — до 10, во время праздников и более. Чум (дю) имел конический остов из жердей на каркасе из шестов, покрытый покрывками-нюками из ровдуги или шкур (зимой) и бересты (летом). При перекочевках каркас оставляли на месте. В центре чума устраивали очаг, над ним — горизонтальную жердь для котла.

Традиционная одежда состоит из ровдужных или суконных натазников (хэрки), ноговиц (арамус, гуруми), распашного кафтана из оленьей шкуры, полы которого связывались на груди завязками; под него надевался нагрудник с завязками сзади. Женский нагрудник (нэлли) украшался бисером, имел прямой нижний край, мужской (хэлми) — углом.

Мужчины носили пояс с ножом в ножнах, женщины — с игольницей, трутницей и кисетом. Одежда украшалась полосками козьего и собачьего меха, бахромой, вышивкой конским волосом, металлическими бляшками, бисером.

Общины эвенков объединялись летом для совместного выпаса оленей и проведения праздников. Включали несколько родственных семей, насчитывали от 15 до 150 человек. Были развиты формы коллективного распределения, взаимопомощи, гостеприимства и т.п. Например, до XX в. сохранился обычай (нимат), обязывающий охотника отдавать часть добычи сородичам. В конце XIX в. преобладала малая семья. Имущество наследовалось по мужской линии. Родители обычно оставались жить с младшим сыном. Брак сопровождался уплатой калыма или отработкой за невесту. Были известны левират, в богатых семьях — многоженство (до 5 жен). До XVII в. было известно до 360 отцовских родов численностью в среднем по 100 человек, управляющихся старейшинами — «князьцами». В терминологии родства сохранялись черты классификационной системы.

Сохранялись культы духов, промысловые и родовые культы, шаманизм. Существовали элементы Медвежьего празд-

ника — обряды, связанные с разделкой туши убитого медведя, поеданием его мяса, захоронением костей. Христианизация эвенков проводилась с XVII в.

Фольклор включал песни-импровизации, мифологический и исторический эпос, сказки о животных, исторические и бытовые предания. Эпос исполнялся речитативом, часто в исполнении принимали участие слушатели, повторяя отдельные строки за сказителем. Отдельные группы эвенков имели своих эпических героев (сонинг). Постоянные герои — комические персонажи были также у бытовых рассказов.

Из музыкальных инструментов известны: варган, охотничий лук и др., из танцев — хоровод (хейро, сэдьо), исполнявшийся под песенную импровизацию.

Игры носили характер состязаний в борьбе, стрельбе, беге и др. Были развиты художественная резьба по кости и дереву, обработка металла (мужчины), вышивка бисером, у восточных эвенков — шелком, аппликация мехом и тканью, тиснение по бересте (женщины).

В хозяйственном отношении эвенки заметно отличаются от других народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Прежде всего, они — охотники-оленоводы. Эвенк-охотник проводил верхом на олене добрую половину своей жизни. Были у эвенков и группы, охотившиеся пешком, но в целом именно верховой олень — главная визитная карточка этого народа.

Охота играла ведущую роль у большинства территориальных групп эвенков. Охотничья сущность эвенка ярко проявляется даже в таком второстепенном для него деле, как рыболовство.

Эвенки — настоящие дети природы. Их называют следопытами таежных троп. Они — великолепные охотники. Луки и стрелы в их руках становились высокоточным оружием.

Эвенк способен поразить цель за триста метров. Были у эвенков особые, «поющие стрелы» с костяными свистунками, которые заворачивали зверя.

Но волка эвенк не тронет — это его тотем. Ни один эвенк не оставит без внимания волчат, если они вдруг окажутся без родительской опеки.

Рыбалка для эвенка — та же охота. Главными орудиями рыбного промысла у них долгие годы были охотничий лук с тупыми стрелами, которыми рыбу глушили, и острога — разновидность охотничьего копья. По мере истощения фауны значение рыбного промысла в жизнеобеспечении эвенков стало возрастать.

Оленеводство эвенков — таежное, вьючно-верховое. Практиковался вольный выпас, доение важенок. Эвенки — прирожденные кочевники. Протяженность кочевок охотников-олeneводоов достигала сотен километров в год. Отдельные семьи покрывали расстояния в тысячу километров.

Эвенки вели кочевой образ жизни охотников-олeneводоов. Стойбища эвенков в зависимости от сезона подразделялись на: зимние, весенне-осенние и летние. В одном стойбище селились обычно семьи, находившиеся в родственных отношениях. В составе осенне-весеннего стойбища стационарный чум — голомо, каркас которого изготовлен из полубревен и покрыт лиственничной корой. Остов чума состоял из 25–40 шестов, установленных по кругу и связанных вверху. Опирались они на 2, 4 или 6 основных шестов, расположенных внутри. Покрышки чума делали из выделанной шкуры оленя, бересты, коры лиственницы. Нижнюю покрышку шили из 6–10 шкур, верхнюю — из 2–4 шкур. Летние покрышки — «тиски» шили из кусков бересты, снятой с 2–3 деревьев. Очаг

в чуме находился в центре, дым выходил через верхнее отверстие. Над очагом крепили длинный поперечный шест для подвешивания на очажном крюке котла или чайника. Внутри чум делился на три части: правая — женская половина, левая — мужская, часть, противоположная входу предназначалась для гостей. Установкой чума занимались женщины. При перекочевках эвенки брали с собой только покрышки, оставляя остов в неразобранном виде. На новом месте устанавливали новый остов.

Недалеко от входа в чум располагали настил из жердей на сваях высотой около 1,5 метров. Рядом стоящие деревья спиливались и тщательно ошкуривались, в них вырубались пазы, на которые устанавливали толстые поперечные жерди, на них клался накатник из более мелких жердей. На таком лабазе (дэлкэн) хранили вещи первой необходимости: посуду, продукты, одежду, орудия труда. Поверх них настилали невыделанные шкуры на случай дождя, чтобы вещи не намокли.

Эвенкийскими амбарами для хранения продуктов и вещей являлись лабазы ноку — деревянные срубные избушки с двускатной крышей, крытой лиственничной корой. Сруб устанавливали на сваях высотой от 1 до 2 метров. Залезали на лабаз, используя бревно с выдолбленными в нем ступенями. Делалось это для того, чтобы звери не растащили вещи и продукты. Ошкуренные сваи были гладкими, и грызуны не могли на них забраться, а дух от продуктов и вещей не стелился по земле. По дневникам исследователей Сибири, в случае нападения врагов или диких зверей тунгус залезал на лабаз и там держал оборону, отстреливаясь из лука и коля противника копьем. Так что лабаз ноку первоначально был не только хозяйственной постройкой. Для пассивной охоты на пушного зверя вблизи стойбищ ставили капканы (пасти-ловушки), называвшиеся лангами. Основу летнего стойбища составляют переносные ровдужные чумы, костер-дымокур для защиты оленей

от гнуса, приспособления для сушки и ремонта сетей, для снятия жира со шкур животных, а также примитивная кузница.

Эвенки — искусные мастера народных промыслов, причудливо сочетают мех, бересту, дерево и, как ни странно, — бисер. Практически вся утварь, одежда эвенков украшается бисером. Бисер используется в ритуальных обрядах шаманов и даже является частью упряжи оленей; превосходное украшение на голову для оленей.

Практическое использование одежды не мешало украшать ее шариками и кружками из мамонтовой кости, бисером, бусами. На старинной одежде и бытовых предметах встречается бисер. Одежда, сумки украшались росписью и вышивкой, подшейным волосом оленя или полоской бисера по контуру росписи, что подчеркивало силуэт. Если использовалась вышивка, то, как правило, располагалась она по швам и краям одежды, чтобы мешать проникновению злых духов в одежду.

Эвенкийский орнамент строго геометричен, ясен по структуре и по форме, сложен и по своей композиции. Он состоит из простейших полос, дуг или арочек, кругов, чередующихся квадратов, прямоугольников, зигзага, крестообразных фигур. Разнообразие применяемых при орнаментации материалов, различная расцветка кожи, меха, бисера, тканей тщательно обогащают этот, простой, на первый взгляд, орнамент и придают украшаемым предметам весьма нарядную внешность.

В своем искусстве эвенкийские мастерицы издавна широко применяли цветные сукна, ровдугу (тонко выделанную

оленью кожу в виде замши), мех оленя, лося, белки, соболя, олений волос, свои собственные красители и цветные нитки, выделанные из оленьих сухожилий.

Короткий легкий кафтан, плотно облегающий фигуру, нагрудник, пояс, унты, наколенники, шапки, рукавицы обильно украшаются бисером, вышиваются оленьим волосом и цветными нитками, инкрустируются кусочками меха, полосками кожи и материи различной окраски, покрываются плетениями из ремешков, аппликацией из кусочков цветной ткани и оловянными бляшками.

Украшение носит чисто конструктивный характер: все эти обрамления борта, подола, обшлагов, основных швов одежды, выпушки, кантики подчеркивают собой конструкцию вещи и создают богатейшую фактуру.

Семантику декора определил культ природы. Круги с точкой в центре и без нее в виде розеток на одежде — это астральные знаки, символы космоса: солнце, звезды, структура мира. Треугольный орнамент — символ женского пола, связан с идеей и культом плодородия, заботой о продолжении человеческого рода, укреплении могущества общины.